

Наступило молчание, когда в голову Бронте пришла мысль о его родителях и покойном Росомахе. Казалось, они понимали, что ему нужна минута. Минута превратилась в двадцать, пока он молча поглощал еду. Он никогда не был любителем поесть, но как только ему принесли тарелку с яйцами, сосисками и блинчиками, он словно впал в голодное безумие. И почему-то у них были бесконечные тарелки. Он опустошил шесть, прежде чем замедлился и поддался многочисленным взглядам, настороженно следящим за ним в комнате.

— Наконец-то наелся? Честно говоря, я удивлена, что ты так много положил... — сказала женщина, которая привезла тележку с едой. Ее шотландский акцент был таким же густым, как и ее короткие волосы.

— Я никогда в жизни не ел так много... — с недоверием сказал Бронте, когда голодная дымка начала спадать и окружающий мир вновь приобрел значение.

— Уверен, что ты также никогда не сжигал столько калорий, — спокойно сказал Хэнк.

Бронте молча кивнул и снова посмотрел на свою тарелку, где он играл вилкой в блинах. Тут он заметил газету на подносе под тарелкой. Он сдвинул тарелку, чтобы посмотреть на обложку, и обнаружил дату: третье октября двадцать четырнадцатого года.

Как говорил Чарльз Ксавье.

— Я спал неделю...

— И ты этому удивляешься? — спросил Дакен из глубины комнаты.

— Меня удивляет все, — ответил Бронте.

— Естественно, и я сожалею о том, что тебе пришлось пережить до сих пор. Но должен сказать, Бронте, что с этого момента легче не станет. Ты не сам по себе, — сказал Хэнк.

— Что это значит? — спросил Бронте, пот выступил на его ладонях.

— Видишь ли, есть причина, по которой ты проснулся и обнаружил себя в специальной школе... Я уверен, что Чарльз рассказал тебе, почему ты здесь.

Бронте опустил взгляд на свои руки, ища шрамы на костяшках, которых там не было... как будто гигантские острые металлические кости не вырвались из его кожи менее часа назад.

— Да, я знаю, почему я здесь.

— Но знаешь ли ты, что ты должен здесь делать? — спросил Хэнк, а остальные бездельничали в комнате, как будто уже слышали все это раньше. Лора наблюдала за ним как ястреб.

Бронте был озадачен вопросом. Хэнк, казалось, понял его, побуждая продолжать.

— Именно здесь ты должен научиться контролировать свои способности. Именно от них может зависеть, будешь ли ты жить или умрешь в том виде, в каком стал.

— Что контролировать? Я уже знаю, как делать выпускать когти. И кто пытается убить меня? — он ответил, запнувшись в конце, так как снова вспомнил о монстрах. Он слишком хорошо знал, кто хочет его убить, вопрос был в том, почему?

Несмотря на это, Хэнк смотрел на него спокойно:

— Ты не помнишь. Конечно. Ярость часто ослепляет. Это наша величайшая сила и слабость.

— О чем ты говоришь?

— Это... — сказал Хэнк, указывая на свои руки. — Это не единственные твои мутации. И именно поэтому ты в серьезной опасности, Бронте. У тебя множество способностей и мутаций, которые мы еще не до конца поняли. И именно по этой причине он будет хотеть тебя больше, чем все, что он когда-либо хотел до этого момента.

Бронте почувствовал, как у него задрожал позвоночник:

— А кто будет хотеть меня?

Хэнк посмотрел на Лору, стоявшую рядом с Бронте, и дал ей очередь.

— Я объясню тебе все это, но сначала я хотел бы, чтобы ты познакомился со всеми, кто находится в этой комнате. Мы те люди, с которыми ты будешь ближе всего — хочешь ты этого или нет, — потому что мы понимаем тебя. И мы знаем, как важно, чтобы ты остался с нами... потому что альтернатива — неприятна.

«...»

Лора продолжила:

— Меня зовут Лора Кинни. Я первородная дочь Джеймса Хаулетта — того, кого ты знаешь просто как Росомаху.

Бронте изучал ее лицо, пытаясь найти хоть какие-то черты или сходство с Мстителем-мутантом, которого он видел в маске лишь несколько раз в новостях и СМИ. Проще говоря, он был хорошо сложенным коренастым канадским дикарем. У него был толстый нос, квадратная челюсть и густые каштановые волосы. На некоторых фотографиях у него даже были звериные клыки. Лора была мало похожа на него. Она была стройной и легкой, с широкими бедрами, тонкими мускулистыми конечностями и длинными каштановыми волосами. Как у Росомахи. Но на этом все. Она была несомненно испаноязычной, с загорелой кожей и богатыми локонами. А когда она заговорила, он вдруг понял, что у нее тоже есть клыки, точнее, четыре клыка.

Он вздрогнул. Реальность была сильнее, чем молоток по мозгам.

Она вдруг посмотрела на девочку, сидевшую рядом с ним: — Это Габби. Моя младшая сестра... она любит конфеты и медовых барсуков. Естественно, она еще один ребенок Росомахи.

Габби улыбнулась ему улыбкой, в которой не хватало переднего зуба и знака мира. Она была очень похожа на Лору — только на десятилетие раньше. Черт, да они могли бы быть близнецами, если бы были одного возраста.

— А это... — продолжила Лора, обращая его внимание на длинный хищный язык, свисающий с потолка и тайком крадущий олады с его тарелки. — Это Рэйз.

— ...Мужчина, просто возьмите, — сказал Бронте и отодвинул тарелку — теперь уже покрытую зеленой слизью — от себя.

Тут же с потолка свалился оборотень и с хихиканьем забрал тарелку, после чего начал копать в ней на полу рядом с собой.

— Он все еще учится хорошим манерам, — ответила Лора.

— Ребенок Росомахи? — спросил Бронте.

— Да, — ответила Лора. — То же самое касается и его, — она указала на мужчину у окна.

Бронте хорошо его помнил. Первого, с кем он столкнулся. Человек, который в одиночку одолел одного из гигантских монстров и отделался от искореженных ребер, как от пореза... и все это после того, как его попросили выброситься из окна.

— Это Дакен. И он первый сын Росомахи.

Дакен повернулся так, чтобы была видна половина его лица, и слегка кивнул, после чего снова отвернулся к окну, которое показалось ему интереснее всего происходящего в комнате. Как и Лора, он мало походил на... Джеймса Хаулетта. Гораздо больше, чем на Лору, но все равно мало. Он был подтянут — худой, как кусок курицы. Даже в черном свитере и джинсах Бронте была видна каждая мышца, а на шее красовалась татуировка в виде племени. Волосы он носил длинными, как ирокез, сбритыми по бокам и закрывающими длину волос. Они были такими же черными, как его свитер, и не имели тех кудрей, что были у Лоры. Сходства между ними тоже было немного. Самым очевидным было то, что Дакен выглядел азиатом. Этот тезис подтверждал его акцент.

— Ты улавливаешь тенденцию? — спросила Лора.

— Все в этой комнате родственники Росомахи? — предположил Бронте.

— Да, — ответила Лора.

— Даже синий Вервильф?

— Напротив, я скорее схожа на кошку, чем на кого-то клыкастого. Рэйн — единственный Вервильф в этой комнате, — он сказал Вервильф в кавычках, а затем указал на женщину, которая принесла еду.

— Что? — мозг Бронте был на грани расплавления.

— Да. И его зовут Хэнк. И да, мы все связаны с Росомахой. Как ты, наверное, уже знаешь, это касается и тебя, Бронте. Мы думаем, что ты — последний сын Росомахи, — вмешалась Лора.

Он так и предполагал. Он не знал своих биологических родителей, его приемная мать сказала ему, что они погибли в перестрелке — в результате бандитских разборок, но часто говорила о них совсем в другом тоне. В этом был смысл, особенно если учесть, что он только недавно пробудился как мутант. Но когда она произнесла это вслух. Это было гораздо сильнее.

— Ха-ха-ха... Добро пожаловать в СЕМЬЮ!!! — крикнул Рэйз, слизывая кусочек блинчика, прилипший ко лбу. Его язык был крайне неприятен.

— Да, добро пожаловать в семью! — сказала Габби, похоже, думая, что это какая-то долгожданная полезная встреча.

Бронте оглядел комнату, когда его осенила истина. Он чувствовал себя как на уроке этики у

мистера Смита. В его голове пронеслось множество вариантов, идей и мыслей. Они бились в его черепе, как барабанная дробь.

Наконец он заговорил:

— Хорошо, но как мы все связаны? Мы все такие разные..... и почему игра Мстителей была настолько плохой? Почему никто из вас не известен в СМИ или где возмущенные матери? Я никогда не слышал, чтобы он был хорошим родителем... что же происходит на самом деле?

Рэйн поперхнулась кофе и подавила смех, прежде чем сказать:

— Как же я соскучилась по нормальным людям.

Дакен застыл в конце комнаты.

— Что за игра? — спросила Габби.

Бронте забыл, что рядом с ним сидит восьмилетний ребенок.

— О, виноват.

Лора кивнула:

— Все в порядке. И это разумный вопрос, — она вдруг указала на Рэйза: — Как видишь, мы очень разные. Мы либо от разных матерей, либо родились неестественным путем.

— Неестественным путем? — спроси Бронте, услышав зловещие слова. Затем он увидел, как Рэйз встал и потянулся, его позвоночник вытянулся сильнее обычного, а голова едва не врезалась в потолок, когда он издал зевок, напомнивший ему льва с его массивными клыками и широкими челюстями. Даже его ярко-рыжие щетинистые волосы напоминали гриву.

"Да, он никак не мог произойти от человека. Это инопланетянин или что-то вроде того", — подумал он, испытывая дискомфорт.

— Да.... Я думаю, ты понял. — сказала Лора, наблюдая за тем, как он смотрит на Рэйза.

— Хорошо. И как мы все связаны...? Включая синих... — его слова затихли, когда Лора слабо зарычала.

— Моя вина, моя вина. Как... Хэнк и Рахне связаны с нами? — это прозвучало так странно.

Лора обернулась к Хэнку:

— Приступайте к работе, профессор.

Хэнк поднял свои круглые очки и на мгновение стал очень серьезным:

— У нас у всех один и тот же ген.

— Ген дикости... — вспомнил Бронте.

<http://tl.rulate.ru/book/99582/4471124>